

Газета - 2002 - 22 авг -
притча - с. 11.

ВХОДИТ В МОДУ

Паоло Козльо — популяризатор духа

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Некий купец разорился и очень печалился по этому поводу. И во сне ему был голос, который сказал, что если он отправится в другой город, то там найдет клад. Купец поверил и отправился в путь. А в другом городе его схватили и бросили за решетку. И начальник стражи спросил его, откуда он и зачем оказался в этом городе. Купец ответил и рассказал про сон и про голос. Начальник стражи рассмеялся в ответ и сказал, что если бы он верил снам, то должен был бы отправиться в то место, откуда пришел купец, и там на площади под фонтаном выкопать клад. Купец вернулся в свой город и отыскал сокровище. Этот сюжет — основа одной из сказок «Тысячи и одной ночи». Хорхе Борхес переложил его в один из своих коротких рассказов, точнее — пересказов. Паоло Козльо на тот же сюжет написал роман «Алхимик». «Алхимик» вышел первым изданием в 1988 году и разошелся по миру тиражом 11 миллионов экземпляров.

Паоло Козльо, уроженец Рио-де-Жанейро, в прошлом — трудный подросток, хиппи и страстный путешественник. Он побывал в психиатрической лечебнице, в тюрьме, прошел по знаменитой дороге в Сантьяго (старинный путь паломников в Испании). Он читал Борхеса и увлекался Кастанедой. Он сочинял песни, писал пьесы и телесценарии, был журналистом. Довольно извилистым путем он шел к своей популярности. И дошел.

Сегодня Паоло Козльо — член бразильской академии литературы, советник ЮНЕСКО, кавалер ордена Почетного легиона и Ордена искусств и литературы Франции. Он один из самых читаемых писателей в мире. Суммарный тираж его книг, переведенных уже на 56 языков, приближается к 40 миллионам. Создается впечатление, что среднестатистический юный читатель, едва оставив невинную пору младенчества, освоив Гарри Поттера и затем в отрочестве ознакомившись с творчеством Толкиена, принимается за романы Паоло Козльо. Причем если судить по нашим книжным магазинам, Толкиен здесь — факультатив. Зато издания Козльо соседствуют с книгами Роулинг. Сейчас, по крайней мере.

Издатели идут на изыски, снабжают книги Козльо виньетками и психоделическими иллюстрациями, выпускают в едином (переплет, формат, стилистика), хотя и контрастном (черная обложка — белая обложка) оформлении произведения, на самом деле друг с другом никак не связанные. Именно так выпущены «Книга воина света» (черная обложка), «Дьявол и сеньорита Прим» (белая обложка). Первая — моральный кодекс идущего по пути самосовершенствования и духовного познания, вторая — последний роман из трилогии «В день седьмой...». Впрочем, Козльо пишет всегда более или менее одинаково и всегда более или менее об од-

ном и том же...на самом деле две эти книги, взятые вместе, обнаруживают слагаемые поэтики Козльо. Козльо ладит свои романы из притч, черпая их отовсюду. Эзотерическая мысль Запада и Востока, сказания и легенды, фаблю и исторические анекдоты — все идет в ход. Козльо лишь адаптирует их для современного читателя, очищает от древности и выставляет в очищенном, как будто обновленном виде. Оказывается, чтобы показать, что мир не изменился, нужно лишь чуть-чуть подправить притчу, нужно представить возможность чудесного не в прошлом, а в настоящем, здесь и сейчас.

Забавно, что при этом Козльо вовсе не всегда работает с первоисточниками, а дает как бы «вторую производную» эзотерики, то есть после Борхеса и Кастанеды. И это срабатывает.

Притча всегда назидательна, даже если ее назидательность выходит за пределы строгой этики, то есть если она богаче простой аллегории. Из притчевой назидательности, из иносказательного поучения вырастает пафос произведений Козльо. А раз так, раз не роман может быть — при желании и упрощении — сведен к притче, а наоборот, притча растягивается до романа, то и смысл его редуцируется до формул и правил.

Притчевый опыт, освобожденный от сюжетности и художественности, сведенный до афоризмов, моральных постулатов, и дан в «Книге воина света».

Это почти «Путь самурая», но на христианский манер, что, впрочем, не мешает Козльо цитировать Лао-цзы. И враг здесь не физический, внешний, а внутренний. Это мистический опыт, но без религии, точнее — без церкви. Это ответ на вопрос, как победить в себе зло, как выиграть сражение со злом. И красивая картинка — рыцарь, меч, сражение... Мистическая геральдика, откровенно стилизованная.

И картинка привлекает, «затрагивает струны», заставляет увидеть сходство своих переживаний и чувств с теми, что описывает Козльо. Притча, пускай и продифференцированная дважды, — работает.

Наверное, и впрямь жизнь непременно «качнется вправо, качнувшись влево». Совсем недавно казалось, что читатель устал от художественности, от сказок под реальность. От уроков и назиданий — тем более. Убеждали, что придумывать нечего, да и ненужно. Все вторично, и истина относительна, и писатель занимается лишь назиданием цитат.

Но вот затем литература пустилась играть в миф, в беззастенчивый вымысел. А из него, судя по всему, плавно вырывается к достаточной строгой и этически прописанной притче, к нравоведению, к четкому разделению добра и зла, к вере в чудо. К цитате, которая воспринимается как оригинальное высказывание. К сказке, в общем, но с уроком и намеком. И самое удивительное — эти «урок и намек» с радостью принимаются.

И последнее. Детский писатель № 1 в мире — есть, и мы его знаем. Писатель № 1 для продвинутых подростков и юношества, кажется, тоже уже появился, и тоже в сказочном ореоле. Что дальше?